

бывшего СССР найти работу для бывших оборонщиков». Да уж, конечно.

С конверсией не получилось, но зато какую квартиру Нордин себе отхватил всего через два года после того, как он выучил первые русские слова. На Пречистенке, последний этаж, 380 квадратов.

Мой контракт с Государственным департаментом США включал в себя следующие слова: «Если Вам станет известно о серьезных нарушениях, допущенных в процессе администрирования этого гранта и Вы не сообщите о них, Вам может угрожать тюремное заключение сроком до пяти лет и штраф до двухсот пятидесяти тысяч долларов». Однако как только посол Тейлор получил мою жалобу, мое имя мгновенно оказалось в черном списке. Я подал более двухсот заявлений о приеме на работу в сфере американской помощи странам СНГ и убедился, что меня нигде не берут.

Но эти четыре года не прошли для меня даром. Я заставил правительство США провести расследование деятельности ДЕФа, несмотря на громадное нежелание такое расследование проводить.

Я написал книгу, которая называется «Как сделать Россию нормальной страной». Это учебник демократии для людей, проводивших часть жизни в советской системе. Затем я перевел эту книгу на английский язык, адаптировав текст для западного читателя. Книга вышла в США в 2003 году под названием «Russia As It Is: Transformation of a Lose/Lose Society». Мои работы находятся на сайте в Интернете. Не стоит и говорить, что весь проект не получил ни цента поддержки.

Я гражданин США, и я посвятил свою жизнь тому, чтобы Россия стала миролюбивой, демократической, процветающей страной; чтобы она была союзником Америки. Я хочу, чтобы в политике и экономике Россия и США встали на путь реального, честного и взаимовыгодного сотрудничества. Мой опыт за последние десять лет показал, что ситуацию нельзя представить в терминах: «готовые бескорыстно помочь американцы и плохие, ничего не понимающие русские». Некоторые из американцев, занимающихся «помощью» России, оказались весьма далеки от идеала.

СЛАВЯНОФИЛЬСТВО

Ключников Ю.В.¹

ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ

«НА ВЕЛИКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ПЕРЕПУТЬЕ»

ГЛАВА 4. МИРОВАЯ РЕВОЛЮЦИЯ — РОССИЯ И ЛЕНИН

Среди всех великих народов *русский народ* наиболее предрасположен играть мировую роль с помощью средств по преимуществу «политических» и революционных. Чтобы убедиться в этом, достаточно припомнить его историю, его этнический состав, его правительственный слой до марта 1917 года, основной характер его политической идеологии.

Русская история... Насколько она мятежна, хаотична, изначально лишена всего, что было бы в состоянии кристаллизироваться и сделаться прочным и устойчивым. Сколько разного рода кризисов, неожиданных перемен, революций, войн, социальных движений! Какие разные люди и как по-разному правили ею!

Не станем слишком далеко углубляться в века и вызовем в памяти лишь черты России царского «московского» периода и императорского «петербургского» периода.

Ценою героических усилий народных масс и благодаря гибкости, осторожности и настойчивостью московских князей Русь избавилась от тяготившего над нею татарского ига и широким шагом пошла навстречу новой жизни.

Раньше всего ей предстояло укрепить державную царскую власть и защитить шаткие государственные границы от многочисленных опасных врагов.

Выполнению первой задачи много содействовал царь Иван IV Грозный, сознательно и безжалостно искоренявший старинное русское боярство, враждебное идее сильной монархической власти. Этому царю, собственноручно убившему одного из своих сыновей, наследовал царевич Федор, богобоязненный, слабый, невзрачный, игрушка в руках окружающих его людей, в первую очередь послушное орудие Бориса Годунова. Последний, татарин по происхождению, умудрился сделаться шурином нового царя, умертвил другого его брата, а после смерти Федора сам взшел на трон православных царей московских. Далее следует беспокойный период междоусобия — «Смутное время» — занятие Москвы поляками, создание народных ополчений для защиты родной страны, земские Соборы. Наконец, открывается царствование Дома Романовых, продолжавшееся с небольшим триста лет.

¹ Ключников Юрий Вениаминович (1886–1938) — специалист в области международного права, профессор Социалистической академии, редактор сборника и журнала «Смена вех», газеты «Накануне».

За первыми двумя Романовыми, Михаилом и Алексеем, архаическими и безличными, появляется Петр Великий, революционер на троне, сразу превративший Святую Русь в государство европейского склада — в «империю». Первый русский император не остановился перед тем, чтобы приговорить к смерти единственного сына за противодействие своим стремительным и грандиозным реформам, вследствие чего после смерти Петра трон русский перешел к его жене императрице Екатерине I, простой лифляндке, необразованной и не отличавшейся чрезмерной добродетелью. За первой императрицей в итоге дворцовых переворотов последовали несколько других императриц, весьма разнообразного происхождения, управлявших Россией при помощи своих иногда весьма многочисленных любовников, главной политической обязанностью которых было бороться против державных притязаний высшего или среднего дворянства. Попутно были убиты один претендент на престол и лишенный своей женой трона своего женой император Петр III (муж Екатерины II).

После Екатерины II, выдающейся государственной деятельницы, много содействовавшей прогрессу в России и крепко дружившей с предшественниками французской революции пока не наступила сама эта революция, императором всероссийским сделался ее сын, Павел I. Это был человек совершенно неуравновешенный, чтобы не сказать ненормальный; истинное его происхождение внушало серьезные сомнения. Его убили в результате очередного дворцового переворота с ведома двух его сыновей. Старший из этих сыновей, Александр I, стал вместо отца у кормила Российского правления. Мистик, мечтатель, заклятый враг всякого деспотизма, стремившийся в начале своего царствования к введению в России радикальной конституции западного образца, он кончил тем, что оказался оплотом не только страшной внутренней реакции, но и мировой реакции, сделавшись главой недоброй памяти Священного Союза. Потом он вдруг загадочно сошел с исторической сцены и, по народному мнению, кончил свою жизнь святым отшельником в далекой Сибири, в Томской губернии. Преемником этого императора явился его брат, Николай I, взявший власть в свои руки в трагической обстановке революции 14 декабря 1825 года. Грубый, невежественный, ограниченный, закоренелый реакционер, он тридцать лет держал Россию в страшных тисках, а затем отравился в итоге неудач Крымской войны. Сын его, Александр II, начал свое царствование с того, что решительно порвал с политикой своего отца и открыл короткую «эпоху великих реформ», за которой последовала долгая эпоха реакции. Когда Александр II пал жертвой революционного террора, на престол вступил «царь-мировотворец» Александр III, болезненно пристрастный к вину и от вина умерший. Следующая очередь оказалась за последним из Романовых, Николаем II, отдавшимся во власть темному проходивцу Распутину и бессудно расстрелянным вместе с семьей во время своей ссылки в 1918 году.

Такова личная судьба русских самодержцев почти за четыре последних столетия русской истории. Как и во всякой другой абсолютистской или полубабсолютистской

стране, она составляет одну из существеннейших частей истории России.

Не правда ли, какая характерная и какая ужасающе яркая картина?

Все эти цари, императоры и императрицы, смешанной и даже сомнительной крови, часто совершенно чуждые управляемой ими стране, одни ограниченные, другие сумасшедшие, третьи чадоубийцы и даже отцеубийцы, почти все до одного плохо начавшие или плохо кончившие, разумеется, менее всего на свете были призваны внушить русскому народу идею устойчивости и святости верховной государственной власти. Тщетно было бы искать у них прекрасных и благородных в своей вековой закреплённости моральных традиций или трезвого и продуманного уважения к праву. Мораль и право были одинаково непонятны и не нужны им. Превыше их была для них их собственная воля, проявлявшая себя совершенно поразному в зависимости от обстоятельств.

Одни из них являлись, как мы видели, подлинными реформаторами, почти революционерами, далеко обгонявшими в своей деятельности и развитии своего народа, и свое время, другие были реакционерами, третьи — сначала реформаторами, потом реакционерами. Абсолютные владыки в своей стране, они гораздо больше повиновались, чем повелевали, повиновались собственным страстям, заинтересованным наветываниям окружающих их людей, но превыше всего обстоятельствам, моменту. Это были самые послушные слуги момента и потому-то в большинстве случаев такие плохие политики.

Как можно было заранее ожидать, наиболее надежной опорой русского престола сделалось русское дворянство и в особенности, высшая русская аристократия. Потому что владетельных русских князей, боровшихся в свое время против усиления на Руси единой царской власти, постепенно забыли о своем собственном былом самодержавии и стали платить царям рабской преданностью за великие милости и привилегии, получаемые от них. И тем не менее русские аристократы оказались большими мастерами дворцовых переворотов, немало их участвовало в разное время в революционных движениях и восстаниях, а некоторые действовали даже в качестве террористов.

В частности, убийство отвратительного Распутина лицами, весьма близкими к царской фамилии и ко двору, невольно вызывает в памяти технику русских государственных переворотов в XVIII веке. И разве накануне февральской революции 1917 года не обсуждались в Петрограде планы убийства Николая II, т.е. нового дворцового переворота,

та, в целях радикального разрешения безнадежно запутавшегося политического кризиса? В настоящее время сообщения об этих планах передаются преимущественно лишь как слухи, но если история подтвердит их, то она подтвердит одновременно и то, что подобные революционные настроения и замыслы гнездились главным образом в среде высшего русского дворянства.

Так или иначе, но мы вправе считать, что «революционный дух» не был вполне чужд ни самому царствующему дому, ни вернейшим его слугам голубой крови и белой кости.

Русская история... Насколько она мятежна, хаотична, изначально лишена всего, что было бы в состоянии кристаллизоваться и сделаться прочным и устойчивым. Сколько разного рода кризисов, неожиданных перемен, революций, войн, социальных движений!

Так или иначе, но мы вправе считать, что «революционный дух» не был вполне чужд ни самому царствующему дому, ни вернейшим его слугам голубой крови и белой кости.

А какой жизнью жили тем временем русские народные массы? — Воистину невыносимой.

Лучшим доказательством тому служат многочисленные народные волнения, восстания и бунты по причинам то религиозного, то политического, то экономического и социального характера. В XVII столетии, например, русское правительство жестоко расправилось с громадным количеством противников церковной реформы — «староверами». В том же XVII веке широкие волны недовольных устремились к границам русской земли и за границу, за пределы досягаемости царя и его страшных слуг. Все более организованно и грозно силою становится своеобразное анархо-коммунистическим укладом жизни. Некий вор и разбойник, Стенька Разин, устраивает грандиозное восстание, распространившееся на все необъятные просторы матушки-Волги и причинившее немало хлопот и забот батюшке-царю. В следующем, XVIII, столетии крестьяне, прикрепленные к помещикам и их поместьям, массами поднимаются против своих угнетателей и жгут, режут и грабят в имениях и городах под водительством казака Емельки Пугачева. В XIX веке, особенно в царствование Николая I, крестьянские волнения и восстания делаются все более и более частыми. Позже они наводят царя-освободителя на мысль, что «лучше дать реформу сверху, чем ждать, что она сама сделается снизу». Едва только начала вставать на ноги русская промышленность и стал образовываться русский рабочий класс, как во второй половине XIX века начался период непрерывных рабочих волнений.

Было бы странно ожидать, чтобы, живя среди всех этих потрясений, народ русский выработал в себе какое-либо чувство порядка или любовь к создавшемуся быту. Жертва тиранической власти своих монархов, поверженный в самую глубокую нужду, сознательно оберегаемый от просвещения, нарочито приучаемый правительством к пьянству в целях поддержания бюджетного равновесия в государстве («пьяный бюджет»), вплоть до самого последнего времени лишенный элементарнейших гражданских и публичных прав, — откуда мог бы наш камаринский мужик почерпнуть уважение к праву или создать в себе прочные устои морали? Религия настойчиво внушала ему сносить всякое иго. Значит, надо было сносить и иго государства, подавляя в себе ненависть к нему только для того, чтобы она все более и более накапливалась где-то в глубинах души. Однако, даже и под целительным покровом церкви нельзя терпеть без конца и без малейшей надежды на лучшие дни. И надежда была у русского народа. Наивная и смутная надежда, что все изменится вдруг в один прекрасный день и что вековые страдания сразу будут искуплены. Зазвонят колокола невидимого града Китежа, «проснется земля»... Кто же произведет желанное чудо? Про то, пожалуй, даже и старики не знают, а коли и знают, так не сказывают. Быть может, его сделает тот же царь, который сам-то к народу добрый и хочет для него правды, да только окружен плохими, корыстолюбивыми приближенными. Так вот пошлет царь всех своих советников к чертям и даст стране законы, какие надо, настоящие. Он их уже, может быть, и дал давно, да только министры скрывают их от народа. А коли не царь, так там в Питере, в Москве найдутся люди, которые разберут... Там есть такие люди...

Легко себе представить и то, на что способна русская народная душа, однажды воспламененная.

Легко себе представить после всего сказанного, какие запасы страшного взрывчатого или горячего материала таила в себе душа русского простолюдина.

Легко себе представить и то, на что способна русская народная душа, однажды воспламененная.

Чем тогда остановить страшный взрыв ее чувств и дикий пожар ее воли? Религией? Призывами к Морали? Нет. В глубинах своей совести даже и знаменитый камаринский мужик твердо знает, что религия и мораль на его стороне. Правом? Но он решительно ничего не понимает в праве и не имеет к нему ни малейшего вкуса. Здравый смысл и практический расчет выручат? Однако откуда у него взяться этим западноевропейским добродетелям? — Приученный к самым тяжелым страданиям, он не боится ничего. Ему нечего терять. Ему нечего жалеть.

Но вместе со всем этим никак нельзя забывать, что русский народ — великий народ, богатый лучшими душевными качествами, чрезвычайно способный к самоусовершенствованию и прогрессу и осуществляющий прогресс с поразительной быстротой. Россия пятьдесят лет тому назад и та, какой она была ко дню революции, это две совершенно разные России. Несмотря на отсталое состояние своей цивилизации, она не только сумела отстоять себя от всех более цивилизованных соседей, угрожавших ей,

но расширить безгранично свои пределы и осуществить громадную культурную миссию внутреннюю и внешнюю.

К началу революции население России состояло более чем из 160 различных народностей. Среди них великорусская народность являлась той, которая устроила русское государство и которая оставила наиболее сильный отпечаток на всей культуре. Остальные народности вошли в состав России в силу самых разнообразных оснований: более всего в порядке мирной колонизации русскими элементами земель инородцев, часто путем завоевания, иногда в итоге добровольного присоединения к России, иногда через переселение в Россию чужеродных ей элементов. Вся относительная заботливость правительства о населении целиком сосредотачивалась на одних только русских, которые в правовом отношении обладали всеми признаками «господствующей нации». Напротив, очень многие из национальностей имели достаточно оснований считать себя угнетаемыми Россией и таили против нее острую горечь уязвленного национального самолюбия.

Уже самый этот факт политического угнетения весьма значительной части российского населения, включая сюда отчасти даже украинцев, создавал в России атмосферу, исключительно благоприятную для разного рода революционных брожений. Всегда оказывались налицо группировки, готовые по национальным мотивам действовать против русского правительства и жаждущие его окончательного низвержения.

Едва ли не еще большее значение отмеченный факт имел для политической психологии самих русских. Однако дойдя до настоящего пункта, мы в дальнейшем должны сосредоточить все наше внимание исключительно на русских образованных классах или на так называемой русской интеллигенции, как на главнейших носителях русского политического сознания.